

ВВЕДЕНИЕ

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно...

М.В. Ломоносов

Будьте счастливы счастьем земли вашей
и спокойствием души вашей...

Павел I (из завещания сыновьям)

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро, ...
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси...

А.Н. Радищев

Для полного понимания развития нашей литературы недостаточно останавливаться только на тех писателях, которые считаются представителями известных ее периодов. Мы должны обращаться и к тем писателям, которые стоят на втором и даже на третьем плане. Нельзя и несправедливо было бы думать, что исследования о таких писателях бесплодны и неинтересны, напротив, часто в их произведениях мы находим факты очень любопытные, разработка которых может для нас прояснить в подробностях то, что мы прежде знали в общих чертах...

А.Н. Пытин

ПРОЛОГ

XVIII век в истории и культуре России — явление уникальное, противоречивое и очень многомерное. Собственно говоря, здесь во многом перед нами феноменальный художественно-

философский эксперимент, результаты которого были практически неведомы для начинавших его, эксперимент, пришедший у последователей и учеников первых экспериментаторов зачастую к совершенно иным итогам, нежели мыслилось у истоков.

XVIII век в нашей литературной культуре — эпоха ярчайших политических событий и парадоксов, век, попытавшийся вступить одновременно и в диалог, и в противостояние как с отечественной, так и с мировой традицией (весьма интересны дерзкие переделки Александром Сумароковым пьес Шекспира для русской сцены). Век-интрига, век-праздник — и век-парадокс, век-трагедия.

«Словесность наша явилась вдруг в XVIII веке», — пронзительно и загадочно обронил Александр Сергеевич Пушкин почти два столетия назад о времени своих прямых учителей и предтеч. Литературоцентричность, а шире и культуроцентричность напрямую наследовались XVIII веком у культуры древнерусской, но, поскольку круто начатые Петром Великим реформы требовали иных приоритетов, с первых же шагов новой эры в литературной культуре развернулись и не имеющие аналогов реформы в словесности.

Прежде всего нужно сказать о стремлении новой идеологии создать ново-ориентированную систему Времени. Если для классической древнерусской литературы аксиомой была вершинная категория Вечности, неразрывно связанная с важнейшими нравственно-религиозными ценностями, то теперь символическую вертикаль «земное — небесное» настойчиво стремятся развернуть и как горизонталь. Иными словами, на волнах идей нового политического и личностного оптимизма все звучнее заявляет о себе концепция *Светлого Земного Будущего* как идеала, рая, достижимого на земле¹ (не случайно практически с самим возникновением шедевра северной столицы, Санкт-Петербурга, его нарекают «Северным Эдемом»).

¹ Интересно, что в новом социально-политическом контексте та же идея повторится в нашем Отечестве и в XX столетии.

Не могло все это не отразиться и на восприятии феномена религии культурой первого века Нового времени. С одной стороны, место ее пытаются занять в сознании людей наука и политика, даже канонический религиозный жанр Слова-проповеди распаивает двери этим новым веяниям и требованиям (как у Феофана Прокоповича и его соратников). Место второго небесного мира отводится теперь в культуре празднику, импровизации, сочетающим принципы пользы и удовольствия (при императрицах Елизавете Петровне и Екатерине II феномен праздника как игровой модели мира достигает апогея расцвета). К сожалению, явилась и трагедия «обратной стороны медали»: место ясной веры стали нередко занимать суеверия, интриги и мистификации. Внутренняя трагедия и гибель последнего императора России XVIII века — Павла I — во многом оказались обусловлены как раз попыткой противостоять этой национальной трагедии, попыткой вернуть страну и ее сознание к некоей гармонии.

Противоречивость XVIII столетия, мало поддающаяся простому, ясному и однозначному пониманию, его «призрачность» и кажущаяся «чуждость» в XIX веке подтолкнули знаменитого нашего философа и критика Виссариона Белинского к парадоксальному суждению о том, что век этот — «дух», который бродит «как заколдованная тень», нечистое привидение и дожидается «осинового кола» в свою могилу²...

В то же время, с другой стороны, тупикового противоречия между светским и духовным началами все же не возникает. Напротив, в их диалоге рождаются новые интереснейшие открытия — какова, к примеру, религиозно-научная поэзия М.В. Ломоносова.

Не меньшим противоречием выглядит и динамика диалога России XVIII века с мировой культурой, а шире — и с мировым сообществом своего времени. При постоянном, порой даже фантастическом стремлении подражать, перенимать, копировать

² Последний удар, по мысли литератора, нанесла этому фантому противоречивейшая пьеса А.С. Грибоедова «Горе от ума»: она «заклеймила остатки XVIII века».

Запад вплоть до мельчайших примет быта (немецкие, английские, а под конец этой эпохи и французские, итальянские моды-«диктаторы» буквально пронизывают собой культуру), уверенно и дерзко поднимает голову национальная доктрина, а вместе с ней не просто национальная гордость, но и национальная гордыня, со всеми ее темными и светлыми сторонами. Во второй половине XVIII века потому и выходит из-под пера поэта-философа Михаила Хераскова поэма-ребус «Россияда».

Языковая стихия литературной культуры — также живое и многогранное отражение всех чудес XVIII века. К пути нашего литературного языка в это время прекрасным эпиграфом могут служить слова В.Ф. Ходасевича о гении Державина: «То срываясь и падая, то дико косноязычествуя, то достигая совершеннейшей точности...». «Жужжаща ремжет вспятно чадь...» — «Медлительней текут мгновенья бытия...». Трудно и представить себе, что между двумя этими строками двух талантливейших поэтов-лириков XVIII века — Василия Тредиаковского и Михаила Муравьева — путь времени всего в несколько десятилетий...

Так каков же он, XVIII век в истории русской литературы?

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

История русской литературы XVIII века — дисциплина синтеза самых разных наук. Частью ситуация схожа с эпохой Древней Руси, с тем, однако, существенным отличием, что здесь перед нами уже закат первоначальной синкретичности, неразъединимости различных начал. Как и писатели «осмнадцатого столетия», писатели-энциклопедисты, читатель и исследователь русской литературы XVIII века должны постоянно держать в памяти самые многообразные открытия человеческой мысли. Литература XVIII века неразрывно связана в России и с реформой языка (от А.Д. Кантемира до Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина), и с философией (у истоков — чрезвычайно значимо творчество Ф. Прокоповича и В.К. Тредиаковского),

и с религией (от философии и эстетики деятеля церкви нового типа Ф. Прокоповича в первой трети столетия до пестрейшей общественно-политической, нравственно-философской и литературной деятельности писателей-масонов второй половины века), и с географией (изданный видным деятелем русского Просвещения Николаем Новиковым труд отца Антиоха Кантемира — Дмитрия Константиновича Кантемира, известного писателя, политика и философа, был посвящен, к примеру, вопросам политической географии родной его Бессарабии — Молдавии), и с политикой (к примеру, яркими оппозиционерами официальной политической доктрине в последней четверти XVIII века выступили Я.Б. Княжнин и А.Н. Радищев), и даже с физикой, химией, астрономией (безусловно, знаковую роль сыграла фигура М.В. Ломоносова, гениального ученого и писателя, умевшего, по тонкому замечанию Гоголя, даже трактат, посвященный технике использования стекла в различных областях — «Письмо о пользе стекла», — превратить в ярчайший образец русской религиозно-философской лирики Нового времени). Все отмеченное отнюдь не означает, что произведения той, теперь уже далекой от нас эпохи — скучные отвлеченные научные трактаты. Напротив, писателям на каждом из этапов этого бурного и пестрого развития словесности предстояла, как никогда, сложнейшая, но и замечательная миссия — создать во многом новую систему представлений о мире и человеке. Сделать это было тем труднее, что отнюдь не сразу сложился отвечающий Новому времени язык. Литература русского XVIII столетия предстает перед нами как сложнейший и интереснейший кроссворд-лабиринт...

Границы XVIII века в культуре страны не совпадают с хронологическими границами столетия. Начинаются значимые изменения еще во второй половине 1690-х годов, на заре правления Петра I (в 1697 г., к примеру, указом царя за рубеж для обучения наукам направляются две представительные делегации российской молодежи). У исхода XVIII века, в 1799 г., рождается Александр Пушкин. Резкий слом происходит в культуре и истории страны в ночь на 1 марта 1801 г. с убийством последнего из

императоров XVIII века Павла I, фигура которого связана неразрывно с такими значимыми явлениями литературно-культурной жизни, как масонское движение и сентиментализм¹. Значимые тенденции словесности XVIII века сохраняют свое непосредственное, живое значение для историко-литературного процесса и позже, вплоть до 1820-х годов (взять, к примеру, позднюю сентименталистскую прозу Петра Шаликова, новое рождение панегирической оды в 1812 г. или прямое наследование воспитательному пафосу просветительского реализма у таких писателей, как Александр Измайлов и Василий Нарезный, в их романах 1800—1820-х годов).

Менее чем за одно столетие наша страна осуществила в XVIII веке колоссальный рывок в самых разных аспектах своего развития. Если на период 1730-х годов своеобразное «отставание» от европейских литературных тенденций составляло еще более столетия (к примеру, классицизм во Франции сложился уже к началу XVII века), то к 1790-м годам поэтику предромантизма российские авторы начинают осваивать практически одновременно с европейскими коллегами. За счет осуществлявшегося столь стремительно прорыва меняется и само ощущение людьми своей страны: на смену «Руси» приходят «Российская Европа» (как в «Истории о российском матросе Василии Кориотском...»), «Россия» (как в «государственной пьесе» Федора Жуковского — «Слава Российская»). Прекрасно отображает происходящее перемены и верный «барометр» языка поэзии: «Перестань противляться сугубому жару, Две девы в твоём сердце вместятся без свару...», — эти строки начала 1730-х годов принадлежат первому русскому лирику — Василию Тредиа-

¹ Екатерина II еще в начале 1790-х годов провела ряд карательных мер против масонов именно в связи с тем, что они вышли на непосредственный контакт с незаконно отстраненным от власти законным наследником престола. Свою коронацию Павел позже провел, что немаловажно, также по литературно-философскому сценарию — переложив весь сложный ритуал на язык известной в европейском сентиментализме пьесы Августа Коцебу — «Ненависть к людям и раскаяние».

ковскому; в последние десятилетия века, казалось бы, о той же внутренней искомой гармонии Михаил Муравьев скажет уже совершенно иначе: «Мои стихи, мой друг, — осенние листья, / Родятся блеклые, без живости и цвету...».

Многие страницы движения истории и культуры России XVIII столетия нашли своеобразное отражение в мемуарах Екатерины II, приехавшей в Россию в качестве невесты наследника престола, будущего Петра III. Европейский взгляд «со стороны» обнаруживает целый ряд непонятных подчас и самим россиянам особенностей национального уклада и самосознания. Долготерпение и некая «скованная замкнутость» (точно родившаяся из сурового климата загадочной «Московии») свободно сочетаются с необычайной «веселостью»² и привычкой жить с размахом, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства (двор Елизаветы к моменту прибытия юной почетной гостьи имел перед казной долг в 17 тысяч рублей). При всем этом юная принцесса сразу же практически ощутила и ту особую атмосферу страны, которая не могла не располагать к высоким раздумьям и уединенному философствованию — возможно, поэтому будущая Екатерина Великая и начинает именно в России, на своей новой Родине, обдумывать и писать дидактический мемуарный роман — «Изображение философа в пятнадцать лет»...

Исследующему словесность XVIII века в России (равно как и преподающему курс «Истории русской литературы XVIII века» в вузе) приходится сталкиваться с рядом устойчивых мифов.

² Помимо подружек-фрейлин, самого благосклонного на первых порах внимания жительницы Европы удостоился и будущий супруг за свои смекалительные проделки. К примеру, когда Петр вознамерился узнать, что находится в шкатулке его будущей тещи — матери Екатерины, он без помощи каких бы то ни было ключей открыл «заветный ларчик», просто подпрыгивая как можно ближе со столиком, на краю которого и стоял предмет, столь его заинтересовавший. Шкатулка в конце концов соскользнула на пол — и от удара действительно раскрылась.

А. О так называемом «привносном», «искусственном» характере литературы России:

1) диктат Европы (от «гисторий» начала XVIII века до готической прозы начала века XIX);

2) наука, философия, теория «опережают» литературу и «плавают» в историко-литературном процессе «как масло по воде»...

Б. О диктате жанров, направлений (в последнем случае — все еще сохраняется в ряде работ сторонников идея о жесткой последовательности литературных явлений: от барокко — через классицизм / Просвещение — к сентиментализму — и к реализму).

В. О рационализме, который, став определяющей философской базой классицизма, распространил свою власть от 1720-х годов — на всю последующую русскую литературу вплоть до начала XIX века.

Г. О классицизме как лидере литературы («магия» определенний образца: Ломоносов — классицист, Державин — ...).

Специфика предмета «История русской литературы XVIII века» заключается в том числе и прежде всего в устойчивой «двойственности»:

А. Писатель оказывается как бы между каноном направления / жанра и индивидуальным авторским сознанием (до сих пор мы это общепризнанно учитываем лишь применительно к Державину, отчасти — к Карамзину; на деле же тенденция охватывает ВСЕХ: от Прокоповича к Кантемиру и Тредиаковскому и далее: вплоть до творчества Капниста начала XIX века. ...);

Б. Собственно словесность XVIII века и по хронологии, и по художественно-философскому «качеству» находится между культурной эпохой Древней Руси и русской литературой XIX—XX вв. Именно за XVIII столетие происходит стремительное закладывание основ новой художественности, но — и без отрыва от базы традиций.

Русская словесность XVIII века в контексте предшествующего и последующего литературного развития (некоторые закономерности)

Весомую значимость сохраняют для русской литературы XVIII столетия традиции древнерусской словесности.

Сразу встает один из основополагающих вопросов — об органической преемственности с традициями Православия Древней Руси. В первые десятилетия XVIII века продолжают интенсивно развиваться в меняющихся условиях жанры «школьного театра», Слова¹. А.Д. Кантемир одновременно обращается к переосмыслению традиций житийного канона, к важнейшей для древнерусской православной этики проблеме суда «истинного» и «лукавого» (ложного)². Через творчество М.В. Ломоносова красной нитью проходит библейская тема поэта-пророка. Диалог с философско-эстетической мыслью Православия обнаруживается даже в масонской традиции второй половины XVIII века³.

Языковая стихия конца XVII века — сложное переплетение церковнославянской лексики, прибывающих количественно и качественно иноязычных заимствований, древнерусского разговорного языка — непосредственно переходит «в наследство» началу следующего периода. Стилистические реформы Кантемира, Третьяковского, Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, Муравьева, Державина создают новое целое русского литературного языка с его приоритетной ориентацией на разговорный язык образованной интеллигенции.

Продолжает быть более чем востребованным диалог книжной литературы с оригинальным фольклором. В Петровскую

¹ Что неоднократно отмечалось еще в исследованиях представителей революционного академического литературоведения — Н.Н. Булича: «Сумароков и современная ему литературная критика» (1854), П.В. Владимирова: «Начало русского театра...» (1883).

² А. Кантемир и русская литература. — М., 1994.

³ Стенник Ю.В. Православие и масонство в России XVIII века // Русская литература. — 1995. — № 1. — С. 76—92.

эпоху, как некогда в эпоху крещения Руси, именно эта сила во многом и помогла культуре устоять в мощных волнах чужеземных влияний и дать новое оригинальное качество. Например, наследуя интерес древнерусских книжников к языческой мифологии, использует широко ее образы в своих поэмах и одах Ломоносов, сочетая все это еще и с неослабевающим интересом к героической народной песне. Песню лирическую (любовную) почитали необыкновенно Тредиаковский, а позже и Сумароков.

В идейно-тематическом плане остаются приоритетными: культ Отечества с отстаиванием идеала его единства и процветания и обостренно гражданственная позиция, приводящая к восприятию литературы как общественной трибуны, а писателя — как оратора-учителя. Подобно автору «Слова о полку Игореве» («О, Русская земля, ты уже за холмами порубежными...») или Афанасию Никитину, свято соблюдающему и в далекой чуждой Индии заветы Православия, тоскует по Родине вдали от нее Василий Тредиаковский в 1720-е годы: «Россия мати! Свет мой безмерный!...» («Стихи похвальные России»). Ломоносов осмеливается, «переворачивая» историческую логику, упрекать Анакреона за то, что древнегреческий лирик не воспел ни разу... величие России: «Изобрази Россию мне...», — вот призыв-требование русского поэта. Карамзин уже в 1790-е годы с гордостью напишет в романе с символичным названием «Письма русского путешественника» о том, что «русская грудь» смеется слабым европейским морозам... Литературно-общественный пафос приведет в русском классицизме 1730—1740-х годов к знаменитому слиянию «я» и «мы» в едином представлении о благословенной Богом стране и нации. «Но мы не можем удержаться / От пения твоих похвал...», — восклицал Ломоносов, обращаясь в своих торжественных одах не только и не столько к Елизавете, сколько к идеалу России. «Вселенну кулаком тряхнете, / Жить славой будете в веках...» — таким увиделся Державину смысл победного шествия страны («На крестьянский праздник»).

Особо стоит вопрос об органичной преемственности философии Православия: в движении от древнерусской эпохи к

словесности Нового времени. Наиболее важные аспекты этого сложного процесса уже рассматриваются в современной науке¹.

Многие традиции продолжают новую жизнь и в творчестве писателей XIX века. Для отца и сына Гоголей очень значимой оставалась поэтика драматургии позднего барокко (в том числе и через призму родной украинской культуры). Лермонтов, по свидетельствам современников, еще в 1828 г. внимательно читал оды Ломоносова (наследование традиций знаменитой «космической поэтики» сохранится в его поэмах вплоть до знаменитого «Демона»). Пушкин, начав состязание с «веком отцов» еще в Лицее («Воспоминание в Царском Селе»), далее в произведениях своих самых разных стилей и лет свободно отсылает читателя то к повестям Карамзина (героиня «Барышни-крестьянки» читала со своим суженым «Наталью, боярскую дочь»), то к миниатюре Муравьева «Богиня Невы» (первая глава «Евгения Онегина»), то к комедиографии Фонвизина (пятая глава того же романа). Продолжило жизнь в последующей русской литературе и словотворчество писателей «осмнадцатого столетия»: благодаря Кантемиру вошло в русскую литературную культуру понятие критики, Ломоносов — создатель слова «горизонт», Капнист, назвав в одной из поздних своих од Горация «веселым любомудром», как бы «подсказал» русским поэтам-философам 1820—1830-х годов (Веневитинову и его друзьям) название их литературного союза — «Общество друзей любомудрия».

Показателен и жанровый аспект диалога литературы XVIII века с древнерусской словесностью. На протяжении всего столетия, а особенно активно в первые его десятилетия писателями продолжают осваиваться жанры сатиры (традиция — от Симеона Полоцкого и его школы до Кантемира), панегирика — словоприношения (уже в лирике Полоцкого, Истомина, а далее Прокоповича и Кантемира идет постепенная «кристаллизация» будущей оды, что потом и осуществит Тредиаковский), авантурной бытовой повести (от повестей демократического посада

¹ Бухаркин П.Е. Православная Церковь и русская литература в XVIII—XIX веках: Проблемы культурного диалога. — СПб., 1996.

второй половины XVII века уже к «европеизированным» «гисториям»). Житийная традиция встает у истоков нового осмысления российскими авторами жанров художественной биографии (Кантемир «Житие Квинта Горация Флакка») и романа (в творчестве Радищева — путь от «Жития Федора Васильевича Ушакова» к «Путешествию из Петербурга в Москву»). Поэтика стиля русского барокко (XVI—XVII вв.) новую жизнь обретает в литературе так называемого предклассицизма (жанр трагедо-комедии¹ и некоторые другие явления переходного характера, в том числе в творческом наследии Феофана Прокоповича), а в конце XVIII в. и предромантизма (представления о писателе как божественном избраннике, призванном достичь новой гармонии в системе «человек—мир»).

Общие особенности русской литературы XVIII века

Одной из определяющих черт новой литературной культуры становится *светскость*. Это понятие многоаспектно.

Во-первых, благодаря целому ряду знаковых реформ Петра 1690—1710-х годов возникает в России феномен так называемого светского общества, к XIX веку «свет» в таком понимании — уже один из определяющих факторов историко-культурного и историко-литературного развития страны. Именно Петром Великим были введены и узаконены качественно новые для России формы общественной жизни — балы, рауты. Впервые неограниченный практически доступ в собрания мужчин получают женщины. Рауты приоритетно интересны тем, что они сочетали в себе игровое начало с серьезным (вводится в широкий обиход обсуждение вопросов политики, философии, культуры). XVIII столетие не случайно называют — равно и для столиц, и для периферийной, но чрезвычайно активной провинции — «золотым веком русского дворянства». Собственно говоря, это

¹ Термин впервые использован в мировой драматургии Плавтом.

сословие, окончательно «сакрализованное» многими указами Екатерины II, в эту эпоху как раз и выдвигается на новые, лидирующие позиции в обществе.

Во-вторых, «светскость» становится одним из определяющих начал в новой системе образования молодого поколения. На смену классической триаде древнерусской эпохи церковные школы — духовные семинарии — академии² приходит более пестрая картина: школы — училища (два первых звена при этом с ярко выраженным профессиональным уклоном: к примеру, школы навигацкие или пушкарские) — гимназии — семинарии — университеты — Академия наук. Университетское «звено» вдвойне показательно, поскольку на этом этапе образования наиболее ясно прослеживается «разведение» полномочий государства и церкви, ставшее прямым следствием реформ Петра и в этой области. Только один из четырех первоначально предусмотренных новой университетской системой факультетов — феологический (т.е. богословский) — был отдан в распоряжение Священного Синода. Отразился этот сложный и противоречивый процесс и на самой церкви. По велению времени востребованным оказывается новый тип церковного деятеля, который блестяще воплотил в своей жизни и творчестве Феофан Прокопович. Так, его известное «Слово приветствительное...» (июль 1706, Киев) встало у истоков культа Петра I в отечественной литературной культуре. Все сказанное, безусловно, отнюдь не означает какого бы то ни было разрыва между светской и церковной культурами или, тем паче, атеизма русской литературы Нового времени. Даже знаменитая «корпускулярная философия» Ломоносова, перейдя в новое художественное качество в его лирических панегирических одах, постоянно обращалась к важнейшим вопросам русской религиозно-философской мысли (одной из удивительных вершин в тематической ветви философской оды

² Заметим, Славяно-греко-латинская академия сохранила лидирующие позиции и в первой половине XVIII в., став «вратами учености», например, в судьбе Василия Тредиаковского и Михаила Ломоносова.

стала знаменитая диалогия «Размышлений...»: «Утреннего» и «Вечернего»).

В-третьих, светскость как новая для общественного менталитета категория как раз и оказалась связана с важнейшими вопросами философии. Под непосредственным влиянием европейской просветительской мысли в Россию приходит философское учение рационализма (один из ярких европейских выразителей — знаменитый французский философ и математик Рене Декарт). Кроме собственно культа всеислия Разума, способного перестроить и внутренний и внешний мир человека, чрезвычайно востребованным в Петровскую эпоху становится тезис о новом служении Отечеству в свете «гражданской пользы». Сложное, но и неразрывное соотношение классического духовно-религиозного начала и нового светского рационализма прекрасно передает своеобразный диалог цитат: «За люди положить душу свою...» (из речи Феофана Прокоповича, посвященной аллюзионному сравнению Петра Великого и Александра Невского) — и «Иметь вкус к полезным делам...» (один из любимых принципов Петра I).

Култ разума, личной инициативы и общественной пользы на долгие десятилетия станет определяющим в новой государственной идеологии. На уровне символики культуры все это привело в том числе к тому, что чрезвычайно востребованными оказались металлы «пользы и четких канонов правил» — бронза и медь (бронза — в архитектуре и в элитарном быту нового светского общества, медь — в грозном военном искусстве). Поэтому образно XVIII столетие в истории русской литературной культуры есть полное основание называть своеобразным «Бронзовым» или «Медным» веком. Одним из самых знаковых событий стало открытие по указу Екатерины II памятника ее предшественнику, Петру I, — известнейшего теперь в мире Медного Всадника.

В XVIII столетии отечественная словесность приобретает и **новый идеологический характер**. С одной стороны, многое было «задано» знаковыми указами императора, направленными

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru